

УДК 81'373:343.634

ПОНЯТИЕ СЛОВЕСНОГО ОСКОРБЛЕНИЯ В СУДЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVIII – НАЧАЛА XX в.

© Ирина Юрьевна МИЗИС

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, ассистент кафедры русского языка
как иностранного, e-mail: irina-m-tambov@mail.ru

Рассматривается понятие оскорбительной лексики в судебных текстах XVIII – начала XX в. Отмечается, что изменения в области словесного оскорбления шли с учетом социальных процессов, которые происходили в определенный исторический период. Проанализировав судебные дела различных фондов, делается вывод, что расширение тематических групп оскорбительной лексики было связано с социальным статусом людей и их происхождением. Автор обращает внимание на появление в судебном законодательстве XVIII – начала XX в. уголовного наказания за оскорбления императора и императорской семьи. Любое слово, которое имело отрицательную оценку, сказанное в адрес императора, могло восприниматься как оскорбление. Анализируются примеры, взятые из судебных дел фонда Тамбовского губернского жандармского управления за период с 1899 по 1905 гг. В этот же период были сделаны первые попытки дать определение оскорбительным словам и выражениям. Отмечается сохранение в российском законодательстве субъективной системы оценки словесного оскорбления.

Ключевые слова: инвективная лексика; оскорбление; судебные тексты; законодательные акты; честь; конфликт.

В российском законодательстве статьи об оскорблении существовали с первых сводов законов. Основная задача, которая ставится перед законодателем, – это вычленение в определенный исторический период тех социально важных явлений, тех понятий, которые являются наиболее оскорбительными. Основываясь на бытовом представлении об оскорблении, право формирует и выделяет те стороны жизни человека, которые необходимо подвергать наказанию. Объявление законодателем некоторых форм поведения человека наказуемыми, право тем самым регламентирует отношения в обществе.

Первоначально в качестве оскорбления рассматривались только действия. Но с XIV в. в светском законодательстве начинает формироваться понятие словесного оскорбления, то, что в современной лингвистической литературе определяется термином «инвективная лексика». В статье «Этапы формирования понятия инвективной лексики в судебных текстах XI–XVII вв.» мы уже рассматривали, как формировалось понятие оскорбления в законодательных текстах XI–XVII вв. [1].

Цель данного исследования – рассмотреть, как трансформируется и развивается российское право с XVIII до начала XX в. в области словесного оскорбления.

В XVIII в. произошли большие изменения в области совершенствования правового

законодательства в сфере личных оскорблений. Многие положения Соборного Уложения по этим вопросам были дополнены и расширены другими законодательными актами. Понимая, что судебная система в области личностных взаимоотношений нуждается в реформировании, Петр I издает ряд законов, где, с одной стороны, ужесточает ответственность виновного, а с другой стороны, дает возможность «отзывать» оскорбления, когда виновный просит прощение у пострадавшего. В Воинском Артикуле 1715 г. отмечено, что состояние аффекта смягчало вину при использовании бранных слов. И в случае успокоения чувств оскорбленного уголовное дело не заводилось [2, с. 354].

В петровскую эпоху бранные слова определялись как «смрадные и особливо злобственные», «поносительные и жестокие». В этом определении мы находим связь с «неподобною лаею» и «непригожими словами» старого права, где основными элементами значения оскорбления являлись признаки «непристойности» и «унижения достоинства».

Петр I впервые вводит уголовную ответственность за оскорбление царя и царской семьи. До этого отдельной статьи закона, где говорилось бы об оскорблениях царского рода, не существовало [2, с. 331-332].

В Воинском Уставе 1716 г. в гл. 3 Артикула № 20 было прописано наказание за ху-

лительные слова в адрес императора. При рассуждении об императоре непристойным образом оное лицо «живота лишен быть, и отсечением главы казнен», т. к. его величество «есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен» [3, т. 5, с. 325]. То же самое касалось супруги императора и его наследника. Лица, замеченные в злых словах, касающихся государевой чести, приводились к управителям, заковывались в кандалы и без всякого допроса отсылались в Тайную канцелярию или Преображенский приказ. Такие дела приравнивались к государственным преступлениям. Таким образом, русское законодательство в XVIII в. разработало серию положений, предусматривающих строгое наказание, вплоть до смертной казни, за оскорбление имени государя, членов его семьи и родственников.

Любое слово с негативным оттенком, сказанное в адрес государя, могло стать поводом к судебному рассмотрению в застенках Тайной канцелярии. Во времена Петра I фискалы, принесшие донос на оскорбление имени государя, получали денежное вознаграждение, что способствовало многочисленным жалобам по таким преступлениям. В 1721 г. в с. Фроловском Боровского уезда во время празднования Рождества Христова отставной прапорщик и большой любитель выпивки Тимофей Скобеев поссорился со своей женой Матреной Прокофьевной, которая не дала своему мужу очередную порцию вина. У них произошла драка и жена выбрала мужа за его поведение. В ответ тот сказал: «Что ты мне указываешь? Ведь так сам государь, Петр Алексеевич, делает» [4, с. 49-51]. Жена на это возразила: «Ведь государь Петр Алексеевич не наша персона. Ведь он как изволит». Этот конфликт слышал их дворовый человек Аким Иванов. Он сказал «слово и дело» местному караульному офицеру. Дело попало в Тайную канцелярию, и, хотя считалось «за неважное», получило дальнейшее продолжение. Прапорщик Тимофей Скобеев сознался в непристойных словах, за что получил наказание в виде битьем батогами нещадно. А доноситель за это получил вольную.

26 декабря 1726 г. в усадьбе помещика Новгородского уезда Петра Ивановича Горачирюля большая компания отмечала второй

день праздника. Захмелевший дворянин Василий Семенович Харламов стал ругать присутствующих, на что поручик Иван Телегин ответил: «Дурак, ты дурак. Будет Тебе врать». В ответ Харламов сказал: «А что за беда, в Санкт-Петербурге и государь Петр Алексеевич врет». Присутствующий на пирушке гвардии капитан Петр Наумович Мельгунов приказал взять болтуна под караул. Были собраны свидетельства всех присутствующих, и Харламова препроводили в Тайную канцелярию, где его наказали батогами. Это же слово, произнесенное в адрес частного лица, вряд ли вызвало бы судебное разбирательство. Обращенное к особе императора, оно уже звучало как оскорбление.

Частые обвинения Петра I в нерусском происхождении также служили поводом для полицейского сыска. В декабре 1722 г. в Кронштадте у домашнего писаря вице-адмирала Сиверса Кузьмы Бунина родилась дочь. По этому поводу он пригласил акушерку, вдову бывшего квартирмейстера Маримьяну Полозову. Словоохотливая старушка, бывшая приятельницей семьи, вела долгие беседы с хозяевами. Бунин рассказал историю о подмене ребенка женского пола у царицы Натальи Кирилловны на мальчика, которого взяли якобы из Немецкой слободы. В ответ старушка рассказала историю, которую она слышала от немца Матиса много лет назад. Он говорил, что государь Петр Алексеевич «породы нерусской» и «Дурак де русак! Не ваш де государь, а наш» [4, с. 65-67]. Писарь, решив подзаработать на свою скудную жизнь, составил донос на вдову, который рассматривался уже в Тайной канцелярии. На допросе Полозова, не разобравшись в чем ее обвиняют, рассказала следователю, что в беседе со священником назвала всех русских государей «смердовичами». Старушку долго пытали в застенках Тайной канцелярии и затем сослали в далекий Пустозерск навечно.

Известен случай, когда в 1721 г. монах Новгородского Юрьевского монастыря оскорбил царя словами «еретик», «оборотень», «сущий дьявол» [5, с. 2-5.]. Некоторые оскорбления носили определенный националистический оттенок. В Конотопе в 1723 г. в корчме два русских гренадера предложили выпить за здоровье императора, а в ответ малороссийский крестьянин из с. Гут произнес:

«Насеру вашей матери, а кто ваш есть император не знаю» [6, с. 3-4.]. Тайная канцелярия приказала бить крестьянина Г. Спицына нещадно палками за такое оскорбление.

Целая подборка дел о бранных словах встречается в фондах «Калинкин дом и дела о преступлениях» (40–50-х гг. XVIII в.) [7]. Первоначально так назывался орган расследования деятельности публичного дома некой «дрезденши» Анны Фелкер, которая незаконно держала его в Санкт-Петербурге. Императрица Елизавета Петровна, узнав об этом, приказала провести тщательное расследование этого дела, владелицу дома отдать под суд, а проститутку обучить разным ремеслам, оставить жить в этом доме и заставить работать. После завершения следствия орган расследования «Калинкин дом» стал контролировать нравственность в империи, и многие дела об оскорблениях проходили через него.

Например, рассматривалось дело придворного псаломщика Ивана Федорова против дьякона Михаила Алексева, который обвинялся в оскорблении псаломщика при свидетелях. Он употреблял такие слова, как «скурва», «скурьев сын», «сын москаль», «плут». Близость участников ссоры к царскому двору усугубляла ситуацию. Оба спорщика были предупреждены о недопустимости использования подобных выражений с угрозой отлучения от государева двора. Другой случай произошел 1 сентября 1748 г. в Риге на балу у местного кригс-комиссара Стечниского. Сюда приехал пьяный генерал-майор князь Владимир Долгорукий и, увидев поручика Петершанского полка, ударил его кулаком и сказал: «Ты плут, шельма. Зачем здесь?». Свидетели отметили, что употреблялись также оскорбления «бестия» и «каналья» [7, д. 197, л. 1-10].

В конце XVIII в. Екатериной II впервые была предпринята попытка законодательно закрепить в судебных текстах определение оскорбления. В Манифесте о поединках от 21 апреля 1787 г. в ч. 6 дается следующее определение: «Оскорбление или обида есть: буде кто кого вредить в праве или по совести, как то, порочить, поклеплить, пренебрежить, уничтожить или задереть» [3, т. 22, с. 841]. И хотя само определение является недостаточно конкретным и расплывчатым, в последующих частях Манифеста Екатери-

на II, опираясь на судебную практику предыдущих столетий, попыталась структурировать понятие оскорбления. В данном Манифесте обида и оскорбление выступают в качестве синонимов и выражаются в трех видах: 1) словами; 2) письмом; 3) действием. Под словесным оскорблением понимается: «буде кто кого при нем порочить закону противными делами или поступками, или пронести на него брани или угрозы личныя или имению его». Также дается определение письменной обиды: «буде кто кого на письме порочить закону противными делами или поступками, или напишет на него брани или угрозы личныя или имению его» [3, т. 22, с. 842]. В Манифесте о поединках впервые указывается, что одним из признаков оскорбления является его намеренность, «чтобы слово, письмо или действие почтено было за обиду или оскорбление, надлежит знать, было ли намерение обидеть, или оскорбить, или вредить» [3, т. 22, с. 841]. В Манифесте дается подробное перечисление отягощающих обстоятельств, которые сопровождают оскорбление. Одним из факторов, усугубляющих обиду и оскорбления, является место, где было совершено оскорбление: 1) общенародное место; 2) храм Божий; 3) дворец Императорского Величества; 4) Присутственное место. Также отягчающим обстоятельством является оскорбление в присутствии лиц власть имеющих, в многолюдном собрании или обществе. По-прежнему считалось серьезным нарушением закона оскорбление должностного лица, а также если «буде отец или мать обижены чадом, хозяин или хозяйка служащим, начальник подначальным, власть имеющий подвластным» [3, т. 22, с. 842].

Российское законодательство XIX в. продолжает традиции предшествующих периодов. Например, Свод Законов, изданных в 1832 и 1842 гг., заимствовал из Манифеста о поединках понятие обиды, в Уложении 1845 и 1857 гг., также как и в других законодательных текстах, различают обиду словесную и действием, причем словесную обиду законодательство конца XIX – начала XX в. разделяет на обиду и опозорение. Содержание понятия оскорбления по-прежнему остается весьма шатким и расплывчатым, что приводит к субъективной системе оценки явления оскорбительности. Практика судебных раз-

бирательств вынуждена была базироваться на бытовом понятии оскорбления и юридических делах времен Петра I и Екатерины II.

В XIX – начале XX в. продолжали рассматриваться дела об оскорблении имени императора, государственных чинов и священнослужителей. Изменения в законодательстве произошли в период царствования Николая I. Все предшествующие законы об оскорблении церкви, веры и имени государя уточнялись и достаточно подробно структурировались. В 1845 г. было подготовлено новое «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Это был фактически первый российский закон об уголовных наказаниях [8]. Оскорбление веры строго регламентировалось. За вознесение «хулы» на Бога, Богородицу, святой крест, Святых угодников предусматривалось лишение всех прав, ссылка на каторжные работы на рудники сроком от 12 до 15 лет. За то же преступление, но в общественном месте срок каторжных работ сокращался до 6–8 лет, а не в публичном месте, однако при свидетелях – ссылка в Сибирь [8, с. 62, ст. 182-183]. Порицание Христианской веры, Православной церкви и Священного писания в церковном помещении предусматривало лишение всех гражданских прав и ссылку на каторгу от 6 до 8 лет, а в публичном месте – ссылка в Сибирь [8, с. 63, ст. 184]. Оскорбления церковных обрядов, «таинства церкви», христианских святых карались ссылкой в Сибирь или тюремным заключением [8, с. 82, ст. 223, 226]. Также под защитой законов находились и священнослужители: «Кто с умыслом оскорбит дерзкими и грубыми словами священнослужителя во время отправления им службы Божией и тем прервет или остановит продолжение оной, тот за сие приговаривается к заключению в смиренном доме на время от 6 месяцев до 1 года, или в тюрьме на время от 3 до 6 месяцев, смотря по свойству оскорбления» [8, с. 82, ст. 227].

Статьи об оскорблении имени государя императора приравнивались к преступным действиям против жизни, здоровья и его свободы. За это полагалась смертная казнь и лишение всех прав состояния. А за дерзкие оскорбительные слова в адрес государя императора и умышленное повреждение памятников или портретов Его Величества – лишение всех прав состояния и ссылка на ка-

торгу от 6 до 8 лет, наказание плетьюми и наложение клейма [8, с. 99-100, ст. 266, 267]. К таким же формам наказания приговаривались лица, оскорбившие наследника престола, супругу императора и членов императорского дома [8, с. 101, ст. 270]. В качестве смягчающего вину обстоятельства считалось произнесение оскорбительных слов в пьяном виде. За это виновного могли отправить в смиренный дом на срок от 6 месяцев до 1 года. Вводилась ответственность свидетелей дерзких и оскорбительных действий, которые не воспрепятствовали или не донесли о содеянном. Такие лица подвергались аресту от 3 недель до 3 месяцев [8, с. 100-101, ст. 269, 270]. Таким образом, контроль за соблюдением данных статей закона перекладывался не только на органы государственной власти, но и на все общество.

Эти положения почти без изменений вошли в последующее российское законодательство: в Уложение 1898 г. о наказании уголовных и исправительных дел, в Уголовное уложение 1903 г., которыми российская судебная власть пользовалась практически до 1917 г. [9; 10, с. 16-21]. Несколько смягчались лишь сроки наказания. Они не несли столь жесткую регламентацию как в предшествующих законодательных актах. Оскорбление государя или членов его семьи каралось каторгой до 8 лет, а памяти усопших императоров – до 3 лет заключения в крепости. Смягчающим вину обстоятельством считалось оскорбление по невежеству, недоразумению или в состоянии алкогольного опьянения. За это полагался арест до 3 месяцев [10, с. 22-23, ст. 103, 107].

Контроль за исполнением закона о защите чести и достоинства государя-императора и членов императорского дома, как правило, несло жандармское управление. Поэтому в фондах губернских жандармских управлений сохранилось достаточно много дел по этим преступлениям. Причем в это время существовало наказание даже за намек на оскорбление имени императора. В 1862 г. в Кирсановском земском суде Тамбовской губернии рассматривалось дело крестьянки с. Пересыпкино Прасковьи Липунцовой и отставного рядового М. Репина. Во время слушания дела волостной голова Григорий Куликов, обращаясь к М. Репину, у которого на груди висел Георгиевский крест, произнес фразу:

«Какой черт повесил тебе Георгиевский крест» (Георгиевский крест вручался от имени императора, и оскорбление награды могло дискредитировать имя императора) [11]. Это послужило основанием для судебного разбирательства, т. к. в этом усмотрели оскорбление государева имени.

Случаи массовых оскорблений существовавшего государственного режима и его идеологического основания в виде русской православной церкви зафиксированы в огромном количестве документов. Особенно большой массив таких дел приходился на период русско-японской войны 1904–1905 гг., первой русской революции, а также Первой мировой войны [12, д. 312-335, 558-621]. Общегосударственный кризис, связанный с тяжестью военного времени, революционные события приводили к падению нравов, пробуждению у людей низменных инстинктов. Все это выражалось и в отношении к государственной власти.

Нами были рассмотрены дела из фонда Тамбовского губернского жандармского управления за период с 1899 по 1905 гг. В это время под воздействием революционных событий и радикальной пропаганды у некоторых представителей крестьян появляются крамольные мысли о существующем строе. Мещанин г. Борисоглебска И.М. Иванов в январе 1905 г. пришел домой с базара сильно выпивший и со злости начал обзывать царя «распутником и пьяницей», заявив «Бога нет. Государя блюдут и он нам не нужен. Его лучше убить» [12, д. 602, л. 16-17]. «Нет у нас царя, есть монополющик, грабитель» [18], «Наш государь не дает земли поганец он этакий. А ежели государь не нарежет мне земли, то он негодай», – заявил один из тамбовских крестьян [12, д. 612].

В ходе неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг. часто встречается такое оскорбление имени государя, как «дурак»: «Наш царь дурак, не сможет воевать» [12, д. 583], «Вы дураки и государь ваш дурак. Он для меня как собака, последний грабитель» [12, д. 324]. Даже представители дворянства позволяли себе пренебрежительно отзываться о Николае II. «Наш государь Николай дурак», – сказал тамбовский дворянин М.Я. Слепородский [12, д. 911]. «Государь наш дурак, что издает манифесты», – по поводу Октябрьского манифеста 1905 г. [12,

д. 558]. Подобное пренебрежительное отношение подданных к государю являлось одним из показателей глубокого кризиса власти и нарастающего недовольства в обществе. Крестьяне, обсуждая ход военных действий, позволяли себе высказывать массу недовольства по поводу поражений русских войск. Основную вину они перекладывали на верховную власть. «Государь император еще мальчишка глупый», – отметил один из крестьян Тамбовской губернии [12, д. 572]. Сборщик дани по винным откупам П.М. Попов в казенной лавке с. Березово Тамбовского уезда в мае 1905 г. призывал к революционной борьбе с царским режимом и назвал императора «дураком», «грязной тряпкой», «подметкой» [12, оп. 1, д. 611, л. 14-16].

Тяжелое поражение в войне с Японией сильно подорвало уважение к правящей династии, что отразилось в бытовой речи народа. Во время разговора с бывшим солдатом, служившим в Маньчжурии, 21 мая 1905 г. на базарной площади в г. Елатьма местный мещанин А.М. Смольянинов обозвал его «изменником». На ответ, что он служил государю, последовало оскорбление и царя «изменником» [12, д. 614, л. 11].

Иногда оскорбление царя сопровождалось оскорблением членов царской семьи. Сильное впечатление на сельское общество произвело убийство великого князя Алексея Александровича. Это событие, получившее освещение в прессе, живо обсуждалось в крестьянском мире. «Вот одного мерзавца... порвали на куски» [12, д. 591, 607]. «Великого князя Сергея Александровича убили за дело, он был мошенник, Александр II и Александр III мошенники» [12, д. 621].

Оскорбление церкви и православной веры было гораздо реже в среде русского крестьянства, но оно периодически встречалось в сочетании с именем царя. Крестьянин с. Шачи Моршанского уезда З.П. Андреев в местной школе распевал революционные песни: «От Амура до Алтая нет глупея царя Николая». А затем в доме односельчанина оскорбил пресвятую деву Марию, назвал ее «блудницей ночевой» и выколол глаза на портрете императора [12, д. 922, л. 18].

Таким образом, можно отметить, что недовольство царской властью автоматически переносилось и на русскую церковь, т. к. царь считался помазанником Бога.

Дела о защите чести и достоинства частного лица в России продолжали рассматриваться в судах и в XIX в. Кроме оскорбления царской семьи, священнослужителей, должностного лица поводом судебного разбирательства могло быть оскорбление, направленное на любого члена общества. «Виновный в умышенной личной обиде обхождением или отзывом, позорящими обиженного или члена его семьи, хотя бы и умершего, за сие оскорбление наказывается арестом или денежною пенею» [10, с. 105, ст. 530]. Уложение 1903 г. фиксировало не только устное оскорбление, но и опубликованные в печати оскорбительные высказывания и изображения. Оскорбления личности проходили как по официальным судам, так и по системе волостных судов, где судебные споры вершили не профессиональные судьи, а выбранные из среды крестьян. Само судопроизводство шло не по законам, а по понятиям и традициям крестьянского сознания. В большинстве дел об оскорблении личности, проходящих по волостным судам, встречаются оскорбления с использованием бранной лексики. Также в качестве оскорблений, требующих судебного разбирательства, рассматривались и слова, обвиняющие человека в незаконных действиях. Например, «кобылятник», «лошавод» – это тот, кто воровал лошадей, «курятница» – воровка кур, «вор», «грабитель» и т. д. Так, в книге решений Воейковского волостного суда Данковского уезда Рязанской губернии есть запись волостного суда от 26 февраля 1869 г. Крестьянин с. Воейкова В.П. Некрасов обозвал своего односельчанина С. Миронова «кобылятником». Это оскорбление было близко к другому – «лошавод» – и намекало на кражу кобылы. Жалоба Миронова была удовлетворена штрафом с ответчика размером в 1 руб. 50 коп. [13, с. 100-101].

Часто у крестьян шел спор по поводу обвинения в воровстве. Использование в качестве оскорбления слова «вор» становилось предметом судебного разбирательства. В 1870 г. крестьянин с. Богословки Воейковской волости Г. Андреев обругал «вором» своего односельчанина А. Терентьева. В 1873 г. на заседании волостного суда рассматривалось дело об оскорблении сельского старосты с. Архангельского Г. Акинина, которого на сельском сходе крестьянин П. Власов обозвал «вором» и ругательными словами. Таким

образом, крестьяне воспринимали обвинения в воровстве как личное оскорбление. За такие обвинения обычно назначался штраф в пользу суда [13, с. 143].

Близким по смыслу являлось оскорбление словом «грабитель». Например, в 1874 г. слушалось дело об оскорблении этим словом отставного рядового с. Богдановки Воейковской волости И.С. Гравцова. Он купил у солдата из соседнего с. Мышенки Д.Ф. Лычагина 7 ульев и дал денежный задаток, а когда приехал за ульями, то брат продавца Филипп не отдал ему покупку и оскорбил словесно. Однако на суде выяснилось, что оба спорщика допустили оскорбления друг друга, и суд отказал в жалобе истцу [13, с. 153].

Продолжало считаться грубым оскорблением женщины словом, имеющим значение «распутная женщина» [14, с. 85]. И хотя оно по-прежнему писалось в официальных документах, его использование в ссоре при свидетелях вызывало судебное разбирательство. В качестве примера можно привести дела за 1875 г. Так, в Воейковском волостном суде во время разбирательства спора о краже пшена крестьянку с. Архангельского М. Косоротову местный крестьянин Я. Вдовин без всякой причины обозвал на заседании волостного суда этим словом. И хотя члены суда предложили порешить дело миром, М. Косоротова отказалась прощать ответчика. Я. Вдовин был наказан 15 ударами розгами [13, с. 370].

Среди бытовых оскорблений в крестьянской среде обидным считалось обзывание «киляком» [13, с. 284]. В 1874 г. крестьянин с. Сухой Рожни Н.Т. Федулов подал в суд на крестьянина Е. Редькина, который обозвал его сына таким обидным прозвищем. Речь шла о киле, т. е. грыже, по которой призванного не брали в армию. На специально созванном сходе юноша был подвергнут осмотру, и никаких кил у него не обнаружили. На суде за гражданское бесчестие с ответчика взяли штраф в 10 руб. А в 1875 г. волостной суд рассматривал жалобу старосты с. Богословки И. Андреева на оскорбление его крестьянином Г. Бусоровым словом «обжора» [13, с. 352]. Поскольку оскорбление было нанесено в присутствии волостных судей и трактовалось как гражданское бесчестие, то наказанием был денежный штраф в 75 коп.

Таким образом, в законодательных текстах XVIII–XIX вв. сконцентрировалось практически все то, что было разработано в предшествующей истории русского законодательства. Однако, несмотря на все попытки дать четкое определение содержания понятия оскорбления, в нем по-прежнему сохраняется широкое понимание оскорбления, происшедшее от древнего права. В период с XIX до начала XX в. появились новые законы об уголовных наказаниях, где оскорбления веры, государя и членов его семьи были четко структурированы. Расписывалось уголовное наказание за каждый вид оскорблений. Кроме того, законодательство того периода вводило систему коллективной ответственности не только самого преступника, но и свидетелей, вовремя не сообщивших об оскорбительных действиях и словах. Таким образом, контроль за соблюдением закона перекладывался на все общество. Подобное законодательство просуществовало с небольшими изменениями до 1917 г. и было отменено после Октябрьской революции.

Подводя итоги исследования, мы можем отметить, что законодательство XVIII – начала XX в. рассматривало оскорбление как преступление, направленное против личности. Любой человек, считавший себя оскорбленным, мог подать жалобу в суд и, в случае доказательства факта оскорбления, получить положительное решение суда. В начале XX в. в судебной практике сложился достаточно определенный взгляд на все виды оскорбления, включая и словесное. Новое Уголовное Уложение 1903 г. выделяет виды тяжких оскорблений и рассматривает возможные причины освобождения от наказания. Законодательные акты этого периода строились на принципе, что оскорбление – это выражение неуважения к личности. Но, несмотря на то, что в законодательстве конца XIX – начала XX в. достаточно подробно рассматривалась проблема оскорбления, составить корпус оскорбительных слов и выражений, дать четкое определение словесного оскорбления законодателям того времени не удалось. По мнению Н.Н. Розина, все российское право конца XIX в. строилось на субъективной системе оценки явления оскорбительности [15, с. 164]. Российское право конца XIX – начала XX в. стало базироваться на тезисе, высказанном еще Екатериной II, что слова сами по себе не

могут быть оскорбительными. На оскорбительный характер высказывания влияют обстоятельства, при которых было совершено оскорбление, и намерения говорившего оскорбить и опозорить адресата.

1. *Мизис И.Ю.* Этапы формирования понятия инвективной лексики в судебных текстах XI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 11 (139).
2. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4.
3. Полное собрание законов Российской империи: в 50 т. Спб., 1830. Т. 5.
4. *Семевский М.И.* Слово и дело. 1700–1725. М., 1991.
5. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Преображенский приказ. Ф. 7. Д. 186.
6. РГАДА. Дела Преображенской канцелярии и Тайного приказа. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170.
7. РГАДА. Ф. 8.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1845.
9. Свод законов Российской империи / под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. Спб., 1898.
10. Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1901 г. Спб., 1903.
11. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Д. 1624.
12. ГАТО. Ф. 272.
13. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х гг. XIX в. Воронеж, 2002.
14. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб., 2003.
15. *Розин Н.Н.* Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение. Томск, 1910.

1. *Mizis I.Yu.* Etapy formirovaniya ponyatiya invektivnoy leksiki v sudebnykh tekstakh XI–XVII vv. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2014. Vyp. 11 (139).
2. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. M., 1986. T. 4.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: v 50 t. Spb., 1830. T. 5.
4. *Semevskiy M.I.* Slovo i delo. 1700–1725. M., 1991.
5. RGADA (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov). Preobrazhenskiy prikaz. F. 7. D. 186.

6. RGADA. Dela Preobrazhenskoj kantselyarii i Taynogo prikaza. F. 7. Op. 1. D. 170.
7. RGADA. F. 8.
8. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovovnykh i ispravitel'nykh. Spb., 1845.
9. Svod zakonov Rossiyskoj imperii / pod red. A.F. Volkova, Yu.D. Filippova. Spb., 1898.
10. Ugovovnoe Ulozhenie Vysochayshe utverzhdennoe 22 marta 1901 g. Spb., 1903.
11. GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti). F. 4. D. 1624.
12. GATO. F. 272.
13. *Zemtsov L.I.* Volostnoy sud v Rossii 60-kh – pervoy poloviny 70-kh gg. XIX v. Voronezh, 2002.
14. *Mokienko V.M., Nikitina T.G.* Slovar' russkoy brani (matizmy, obstszenizmy, evfemiz-my). SPb., 2003.
15. *Rozin N.N.* Ob oskorblenii chesti. Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie. Obshchaya chast'. Opozorenie. Tomsk, 1910.

Поступила в редакцию 1.10.2014 г.

UDC 81'373:343.634

NOTION OF CONTUMELY IN JUDICIAL TEXTS OF 18th – BEGINNING OF 20th CENTURY

Irina Yuryevna MIZIS, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Assistant of Russian as Foreign Language Department, e-mail: irina-m-tambov@mail.ru

The paper dwells upon the notion of contumelies in judicial texts of the 18th – beginning of 20th century. The author points out that changes in the sphere of contumelies took place with due regard for the social processes in a definite historic period. Having analyzed the judicial cases of different funds the it is concluded that the broadening of invective groups was linked with the social status and origin of people. In the 18th – beginning of the 20th century the first attempts were made to punish for the contumelies of the Emperor and members of the imperial family. Any word of negative connotation concerning the Emperor and members of the imperial family was considered as an insult. The judicial cases from the funds of the gendarmerie office of the Tambov province in the period of 1899–1905 is analyzed. At the same time the first attempts were made to give definition to the invective words. It is underlined that the subjective system of the contumely assessment in the Russian legislation of that period was preserved.

Key words: invective; insult; judicial text; legislative act; honor; conflict.